

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО СИСТЕМОГЕНЕЗА

В статье изложены различные подходы к проблеме социального системогенеза. На основе исследования, критического осмысления и обобщения логико-методологических научных источников обоснован авторский подход к проблеме целостности социальных систем, координации и взаимодействия внутри системы, генезис функций и структур, а также их развитие.

Актуальность проблемы социального системогенеза обусловлена не только необходимостью обновления теоретико-методологической базы, но и потребностью создания действенного механизма управления состоянием социальных систем и их динамикой (предвидение, сохранение соответствующей структуры, поддержание режима ее деятельности и оптимизация функционирования).

Системный подход является апологией и вместе с тем исходным пространством аутодеконструкции структурализма. Апология системности тотально структурирует реальность. Так, например, с точки зрения Г.П. Мельникова, мы имеем право рассматривать *любой* объект как систему, если оговорена *степень* его системности [1]. Однако эта же апология разрушает свои основы через идею эмерджентности.

Возможно, причина такого положения заключается в самом подходе к исследованию систем, когда подобно механическим или искусственным системам системы как таковые рассматриваются в виде неких *агрегированных целостностей*, имеющих определяемые состав (набор элементов), структуру и функции. По Зиммелю, например, «единство» вообще представляется только как взаимодействие и динамическое взаимодействие, связь, равновесие многого [2, с. 475-481]. По замечанию Е.Б. Агошковой и Б.В. Ахлибининского, «формирование понятия из термина “система” идет через осознание целостности и расчлененности как естественных, так и искусственных объектов. Это и получило выражение в толковании системы как “целого, составленного из частей”» [3]. При этом, например, согласно мнению Р. Барта, несуществен тот факт, что подлежащий моделирующей деятельности первичный объект предоставляется действительностью как бы в уже собранном виде (что имеет место в случае структурного анализа, направленного на уже сложившиеся язык, общество или произведение) либо, наоборот, в неорганизованном виде (таков случай структурной «композиции»). «Несущественно и то, – продолжает Барт, – что этот первичный объект берется из социальной или воображаемой действительности, ведь не природа копируемого объекта определяет искусство (стойкий предрассудок любых разновидностей реализма), а именно то, что вносится человеком при его воссоздании: исполнение является самой сутью любого творчества. Следовательно, именно в той мере, в какой цели структуралистской деятельности неразрывно связаны с определенной техникой, структурализм заметно отличается от всех прочих способов анализа или творчества: объект воссоздается *для* выявления функций, и результатом, если можно так выразиться, оказывается сам проделанный путь...» [4]. Иными словами, в рамках структуралистского подхода интерпретация действительности имеет большее значение, чем сама действительность.

Продолжая логику Барта, мы можем высказать подозрение, что понимание системы как эмерджентной совокупности может быть чисто психологическим артефактом, порожденным свойственной разуму аналитической инерцией. Возьмем, например, определение системы, сформулированное В.С. Соловьевым: «Система – совокупность

функционально взаимосвязанных элементов, представляющих собой целостное образование или обладающее свойством целостности» [5]. Мы видим, что все приведенные дефиниции отражают не суть определяемого объекта, а *логику структурирования* именно так, как об этом пишет Барт. Причем эта логика – «срезовая». Объект (система) не рассматривается как продукт генезиса, и вследствие этого определяющий (эмпирик) не выходит за рамки ситуации созерцания, причем «созерцания» исключительно в чистом смысле этого слова, как тоталитаризма «зрительности». Предметность и категориальность – это свойства, имманентные человеческому восприятию и в большей степени зрительному восприятию, согласно которому любой образ или предмет воспринимается как фигура на каком-то фоне. Мозг имеет тенденцию структурировать сигналы таким образом, что все, что меньше или имеет более правильную конфигурацию, а главное то, что *имеет для нас какой-то смысл* («бессознательный позитивизм восприятия». – А.Б.), воспринимается как фигура; она выступает на некотором фоне, а сам фон воспринимается гораздо менее структурированным. То же самое и для других чувств. Восприятие активно структурирует полученную информацию, то есть всегда старается свести фрагментарное изображение в фигуру с простым и полным контуром.

Данный процесс регулируется рядом принципов:

- по принципу близости наш мозг объединяет предметы близкие или смежные предметы в единую форму;
- принцип сходства состоит в том, что легче объединять схожие предметы;
- принцип непрерывности подразумевает, что элементы будут организовываться в единую форму, если они сохраняют одно направление;
- и, наконец, форма будет воспринята как правильная, если она имеет одну или несколько осей симметрии [6, с. 40-41].

Такова психология чистого эмпиризма в изложении Ж. Годфруа, из которой прямо вытекает логика и метод структурализма.

Эта логика «зрительности» всегда двухступенчатая. Первая фаза – аналитическая, вторая – синтетическая. Это определяет общий характер дефиниций, где целостности являются эмерджентными совокупностями. Зрительность необходимо структурирует воспринимаемое как «системное» (малое и правильное, упорядоченное и повторяющееся) на фоне несистемного (хаотического, текучего, преходящего). Элемент – лишь эффект смещения фокуса созерцания, умноженного на привычку. Иными словами, все повторяющееся в созерцаемой структуре воспринимается как ее составная часть или элемент. Таким образом, определение системы может звучать приблизительно как «совокупность, наделяемая восприятием свойствами целого» либо «аналитически трансформированная восприятием целостность».

Однако в рамках структурализма построение объяснительных моделей в принципе невозможно, поскольку структуралистские модели могут в самых разных вариантах описывать или интерпретировать механизмы действий, но не способны объяснить само по себе действие; они могут аналитически деконструировать объект или синтетически задать его, но не касаются сущности самого объекта. Сущность объекта или действия просто отождествляется с определенной структурой. Специфика этой структуры и составляет главную сущность объекта (феномена). Мало того, в полном соответствии с тем, что пишет Барт, сущность объекта в рамках структурализма есть качественное произведение специфики структуры и специфики (выявляемой и/или приписываемой объекту) функции. При этом критерии выявления функции, как правило, подбираются с ортодоксально позитивистских позиций.

Понимание социальной системы как строгой или нестрогой агрегированной целостности порождает сложную проблему ее границ, что явно или скрыто является отражением и проблемы верификации *взаимодействия* между социальными системами. Ведь если границы социальных систем не могут быть ясно определены, то не может быть столь ясно описано и взаимодействие между ними, поскольку любое действие в

рамках структуралистского подхода должно быть с необходимостью приписано какому-либо актору, аутентичность которого доказана или не требует доказательств. Поэтому фокус детерминации социальных систем смещается со специфики социо-структурной констелляции на специфику социогенетического организующего начала и специфику экстенциального «скелета» (то есть особенного механизма воспроизводства социальной связи).

Таким образом, принцип отождествления системы и структуры своим неизбежным логическим продолжением имеет *принцип отождествления структуры (системы) и функции*. По словам Р. Барта, «целью любой структуралистской деятельности – безразлично, рефлексивной или поэтической – является воссоздание (объекта) таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования (функции) этого объекта» [4]. Вне функции система не существует. Функцией аутопойезиса является производство коммуникаций, субфункциями – референция и дифференция. Любая система имеет смысл (в его позитивистском аспекте) и эффект «полезности», либо «полезности в себе», либо «полезности для других». Так, Вебер «действием» называет действие человека, если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, утверждает Вебер, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Иными словами, социальное действие есть результат целесообразной и рациональной программы принятия субъектом решения, учитывающего (позитивно или негативно) интересы и результаты действий совместно действующих индивидов. В связи с этим также логичным представляется и то следствие, что устройство всякой системы рассматривается как «вход – механизм – выход». При всей констатации взаимовлияния – структура и функция разделены и соотносятся как механизм и процесс, чьи «морфология» и «физиология» регулируются внешним контекстом или соотношением того, что на «входе», с тем, что на «выходе» (например теория функциональных систем). Подобное видение предельно *рационализирует* системологию. Сам термин «функция» даже и в математизированном приложении к теории систем означает специфическую работу, выполняемую системой (в общем виде как преобразование ресурса x в продукт y). Функцией же социальных систем в общем считается минимизация затрат для достижения полезного результата и повышение безопасности для каждого составляющего индивида. Именно этот принцип организации в традиционном понимании вообще обуславливает системогенез. Когда мы говорим об «общественном договоре» как основании всякого общества, мы имеем в виду лишь фальсификацию указанного принципа «сложения потенциалов», сумма энергий которых всегда меньше суммы энергий тех же потенциалов в автономном режиме. В действительности никакого абстрактного общественного договора не существует, но лишь формализованное переложение закона «оптимальной суммы (точнее – организации) энергий».

Таким образом, социальная система в традиционном видении может быть описана как дискретная саморегулирующаяся организация преимущественно рационально-конвенционального типа. Тип конвенции определяется спецификой культуры и сам по себе определяет тип (специфику) коммуникативного взаимодействия внутри конвенции. Конвенция как исторически сложившаяся совокупность коммуникаций отличает себя от других конвенций через качество коммуникаций. Через качество конвенций социальные системы отделяются и друг от друга. Границы социальных систем определяются «маркерами» специфических (характерных только для данной конвенции) действий и корреляцией процессов в рамках конкретной конвенции.

Сохраняя логику этих рассуждений, мы обнаруживаем другой краеугольный камень социологической системологии «зрительности» – принцип *тождества системы и структуры*. Система рассматривается как определенная организация связей и отношений, воплощенная в конкретной структуре, внутри которой осуществляется иерархия координируемых преобразований.

Таким образом, «механизм целостности» социальной системы, а также координации взаимодействий внутри социальной системы (регуляции, управления) остается все же самым большим «белым пятном» приведенных концепций. Ведь, бесспорно, любая система необходимо, иррационально и безусловно имеет свой центр организации, как:

- центр эффективного распределения энергии и информации (источник интенциональности, «точка сборки» социальной системы);
- источник экспансивного (агрессивного) структурирующего возмущения в социальном субстрате.

Очевидно, ни эффективное распределение энергии и информации в социальном субстрате, ни его активное структурирование не могут быть ни результатом сложения интеракций, ни производным аутопойезиса, поскольку последние воспроизводятся по уже строго заданным закономерностям и кодификациям. Даже если представить себе некий «естественный отбор», согласно которому наибольшее распространение получают наиболее эффективные в данных условиях интеракции или же наиболее эффективный опять же в данных условиях вектор аутопойезиса, то и в этом случае объективно должен существовать некий механизм реализации этой «эффективной» регуляции, а также универсальный критерий (возможно – ряд критериев), относительно которого эта эффективность могла быть определена.

Совсем другой смысл в понятие «система» вносит понимание ее как *интенциональности*, источника активности, специфически структурирующего (и «функционализирующего») тот субстрат, в котором эта интенция возникает или изначально существует. Интенциональность в наиболее общем смысле есть дифференцирующаяся в структурах (объектах и действиях) энергия. Само по себе понятие «энергия», однако, не отражает в полной мере суть интенциональности, поскольку несет в себе слишком много от физики, а еще точнее, не указывает на слияние энергии и самоупорядочивающегося (аутодифференцирующегося) действия. Понятие «энергия» более близко понятию «потенциал», то есть абстрактному ресурсу, который, как и деятель, как бы *предсуществует* действию. Действие же по традиционному пониманию выступает в роли функции энергии, как затрата этой энергии в определенном направлении. В полном соответствии с означенной логикой и энергия, и действие являются *функциями* деятеля. Понятие «интенциональность» призвано стереть видимую границу между энергией и направленностью социального (в данном случае) действия.

Интенциональность есть векторная сущность, в которой деятель, направленность действия и само по себе действие неразделимы. Эта сущность ставит знак равенства между деятелем, производящим действие, и действием, производящим деятеля. Иными словами, деятель не может не действовать, а следовательно, верифицированное действие так же реально, как и деятель, и при том не является функцией последнего, особенно если учесть, что и воля суть действие, являющееся фильтром для другого действия, что полагает условность разделения этих категорий.

Векторная сущность интенциональности исключает ее интегрированность (конвенциональность), как нечто являющееся результатом суммы (конгломерации) «элементарных» интенций. Интенциональность подразумевает только отношения включения-поглощения. Изъясняясь в терминологии структурно-функционального подхода, можно сказать, что системы никогда не «складываются» из элементов по принципу «равноправной конвенции» или же «снизу-вверх». То есть никакая комбинация произвольно взятых элементов не способна сформировать систему. Системы изначально существуют как целостности и развиваются как целостности (вне агрегационного смысла понятия «целостность»). Все структуры, верифицируемые в качестве элементов систем и в качестве самих систем, являются *продуктами* системного «структуропроизводства», поэтому выделение элементов вообще есть простая схематизация. Допустим, можно условиться, что двигатель – это *элемент* структуры «автомобиль», в действительности это *продукт* системы автомобилестроения. В общем и целом система есть устойчивое

упорядочивание энергии в структурах и действиях. Это внешне соотносится и с позициями структурно-функционального подхода. Однако диалектика системогенеза заключается в том, что система, интенционально воплощаясь в структурах и действиях, в то же время не является ни действием, ни структурой. С этой точки зрения систему можно рассматривать как самодифференцирующийся смысл. Любую верифицируемую самоподдерживающуюся (самовоспроизводящуюся) структуру можно рассматривать как графему, согласно которой ее действия соотносятся с внешним контекстом, то есть имеют определенный смысл. Понятие «смысл» при этом вовсе не стоит ограничивать рамками психологической интерпретации, поскольку любое относительно устойчивое отношение в динамически изменяющейся среде можно рассматривать как автономно и объективно существующий смысл. Поэтому интенциональность также можно рассматривать как непрерывное генерирование структур-графем. Воплощение интенциональности в конкретном смысле (направлении дифференцирования) – то есть частный случай интенциональности – и есть система.

Однако остается второй важнейший вопрос – что лежит в основе системогенеза как структурогенеза? Здесь понятие «интенциональность» оказывается недостаточным и мы вынуждены применить термин «инерционность». Инерционность в нашем контексте можно определить как *свойство* интенциональности воплощаться в конкретных структурах, а также поддерживать устойчивость этих структур. Без инерционного контекста само понятие интенции как векторной сущности в принципе не имеет смысла. Если в чистом виде интенциональность – это непрерывный недифференцированный генезис (становление), то инерционность, образно выражаясь, это «застывающая» интенциональность. Термины «интенциональность» и «инерционность» имеют определенные смысловые параллели с такими понятиями, как «энтропия» и «энтальпия».

Таким образом, в нашем понимании социальные системы исчезают как агрегированные целостности, как структурно-функциональные специфичности, как оперативно закрытые организации коммуникаций и интеракций. Вместо этого возникают непрерывно самодифференцирующиеся векторные формы социальной организации, чей генезис воплощается в инерционно консолидирующихся и кристаллизирующихся структурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики [Электронный ресурс]. – М. : Сов. радио, 1978. – Электронні текстові дані. – Режим доступу : <http://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_r/lit.htm>
2. Зиммель Г. О сущности культуры. Избранное. Философия культуры. Т. 1 / Зиммель Г. – М., 1995.
3. Агошкова Е.Б. Эволюция понятия «система» / Е.Б. Агошкова, Б.В. Ахлибининский // Вопросы филологии. – 1998. – № 7. – С.170-179.
4. Барт Р. Структурализм как деятельность [Электронный ресурс]. – Электронні текстові дані. – Режим доступу : <<http://lib.rin.ru/doc/i/42041p.html#>>
5. Соловьев В.С. Теория управления социальными организованными системами / Соловьев В.С. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2000. – 498 с.
6. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 1 / Годфруа Ж. ; пер. с фр. – М., 1992.

А.В. Балікоєв

Деякі аспекти соціального системогенезу

У статті викладено різноманітні підходи до проблеми соціального системогенезу. На підставі дослідження, критичного осмислення та узагальнення логіко-методологічних наукових джерел обґрунтовано авторський підхід до проблеми цілісності соціальних систем, координації та взаємодії всередині системи, генезис функцій та структур, а також їх розвиток.

A.V. Balikoyev

Some Aspects of Social System Genesis

The article deals with different approaches to the problem of social system genesis. On the basis of research, critical comprehension and generalization of logical and methodological scientific sources there was grounded the author's approach to the problem of social systems integrity, coordination and interaction inside the system, genesis of functions and structures, as well as their development.

Статья поступила в редакцию 02.02.2010.